

А. Г. Гачева

**У ИСТОКОВ ИСТОРИОСОФСКОЙ
И ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
ДОСТОЕВСКОГО
(Тютчевско—аксаковский контекст)**

В статье «Ф. М. Достоевский, Ф. И. Тютчев, А. Н. Майков (идейный диалог)», опубликованной в шестнадцатом номере альманаха «Достоевский и мировая культура», мне пришлось говорить о косвенном, опосредованном влиянии идей Тютчева на формирование историсофской концепции Достоевского, разбирая одну из возможных линий такого влияния: через А. Н. Майкова, близкого друга и единомышленника обоих. В той же статье среди других каналов, по которым доходили до Достоевского тютчевские суждения и оценки, были названы издания И. С. Аксакова — газеты «День» (1861–1865) и «Москва» (1867–1868), в которых Тютчев принимал самое прямое и непосредственное участие.

Каким было это участие, коль скоро не только статьи — ни одной тютчевской публицистической строчки в этих изданиях напечатано не было? Как влияло оно на позицию ведущих органов славянофильства 1860-х гг.? Какие передовицы Аксакова содержат тютчевский идейный подтекст и что именно привлекло в них внимание Достоевского? Об этом пойдет речь в серии главок, предлагаемых ниже читателю.

**Ф. И. ТЮТЧЕВ И И. С. АКСАКОВ.
ВЕХИ ОТНОШЕНИЙ**

25 марта 1874 г., спустя восемь месяцев после кончины Тютчева, И. С. Аксаков писал Ф. В. Чижову: «Я занят с утра до ночи и часть ночи: тороплюсь окончить свою работу о Тютчеве и по поводу Тютчева. Работа разрослась именно в той части биографии, где пришлось излагать его политические воззрения по его статьям и по его рукописям и письмам. Они касаются самых жгучих вопросов современности, так что труд этот будет

в то [же] время выражением и моих мнений»¹. Действительно, книга Аксакова, знавшего Тютчева долгие годы, а в последние восемь лет жизни поэта связанного с ним еще и родственными узами, в своей «философско-политической» части поражает «унисонным» звучанием слова «героя» и комментария автора. Повествуя о жизненной судьбе Тютчева, разбирая поэтическое его творчество, Аксаков четко держит дистанцию — тут слияние, отождествление с объектом исследования, при всей чуткости и сердечности авторского взгляда, никак не возможно: Тютчев, по Аксакову, — в полном смысле слова поэт, а потому более свободен в своих проявлениях, к тому же — рассеян, отчасти ленив, неспособен к систематическому труду. Сам Иван Сергеевич — целен и строг, всецело следует нравственному императиву, не допускает расслабленности, нудит себя к служению и подвигу². В характеристике политических воззрений Тютчева эта дистанция почти исчезает. Мы слышим не голос исследователя, всегда так или иначе отстраненного от своего предмета, как бы занимателен и даже идейно близок он ни был, но речь соратника, единомышленника, в чем-то — благодарного ученика.

Да, «Биография Федорова Ивановича Тютчева» стала изложением и собственного credo Аксакова, и славянофильской доктрины вообще применительно к области философии истории и политики. И хотя политические и философские воззрения Тютчева в рамки славянофильства укладываются не до конца (на что поэт и сам указывал неоднократно), в том мыслительном ракурсе, в котором представлены они в книге Аксакова (вопрос о России и Западе, православии и католичестве, о сущности революции, судьбах славянства и т. д.), они не только идут параллельно с соответственными идеями славянофилов, но во многом предваряют и расширяют их.

Мы не случайно заговорили здесь о книге Аксакова. Явленное в ней творческое единомыслие двух выдающихся русских умов прошедшего века складывалось в течение долгих лет их личного и эпистолярного общения, своеобразного духовного сотрудничества, в котором — иногда не без споров — и рождалось родственно-близкое понимание и дальних судеб истории, укорененных в высший, божественный план, и событий текущей политики, напрямую, по их мысли, с этими судьбами взаимосвязанных.

¹ ОР РГБ, ф. 332, к. 15, ед. хр. 9, л. 6 об.

² В письме И. С. Гагарину от 7 ноября 1874 г. И. С. Аксаков так резюмировал свою оценку Тютчева-человека, данную в биографическом очерке: «Я постоянно указываю на противоречие его убеждений с его жизнью и говорю, что его жизнь была мало и очень мало озарена живою верою» (Лит. наследство. М., 1989. Т. 97. Кн. 2. С. 51). А вот что в свое время сам Тютчев писал об И. С. Аксакове, вполне сознавая, как видим, всю степень несходства их характеров: «Это натура до такой степени здоровая и цельная, что в наше время она кажется отклонением от нормы. У древних был очень меткий образ для характеристики таких сильных и в то же время мягких натур — они сравнивали их с дубом, в дупле которого пчелы оставили свои медовые соты» (Ф. И. Тютчев — Е. Ф. Тютчевой, 8 ноября 1868 г. // Лит. наследство. М., 1988. Т. 97. Кн. 1. С. 471); «Он вполне симпатичен, так естественно добр, прям и предан... Я люблю этого человека именно вследствие полного различия наших натур» (Ф. И. Тютчев — Э. Ф. Тютчевой, 2 мая 1866 г. // Старина и новизна. Пг., 1916. Кн. 21. С. 214).

Аксаков и Тютчев познакомились 25 июля 1843 г. в Москве, в доме Елагиных–Киреевских³. Но в 1840-е — первой половине 1850-х гг. практически не встречались: Аксаков подолгу служил вне Москвы, Тютчев пребывал в Петербурге, и жизненные, да и духовные их траектории не сходились до времени. 8 апреля 1855 г. Иван Сергеевич пишет родным: «Вот вам слово Ф. И. Тютчева о современном положении: он называет его оттепелью»⁴, — но это не более чем упоминание (да и как было не помянуть столь точное, остроумное *mots*, пущенное с легкой руки поэта по салонам обеих столиц). В дневнике М. П. Погодина от 9 мая 1857 г. отмечена его беседа с Тютчевым и Аксаковым (см.: Лит. наследство. Т. 97. Кн. 2. С. 14), и это свидетельство уже посерьезнее. Чуть более регулярным общение Тютчева и Аксакова становится в конце 1850-х гг. В это время (с августа 1858 г.) Аксаков является неофициальным редактором «Русской беседы». Стихотворения Тютчева в 1857–1859 гг. регулярно печатаются в этом журнале (1857, ч. 2, кн. 6; 1858, ч. 2, кн. 10; 1858, кн. 12; 1859, ч. 1, кн. 13), чему содействует, в частности, и сам Иван Сергеевич⁵. Он ценит и почитает Тютчева–поэта, дорожит его мнением⁶ и в его собственных лирических пробах пера нет–нет, да и прозвучат тютчевские отголоски⁷.

Пожалуй, решающим моментом, с которого началось углубление их отношений, стала встреча в Гейдельберге в августе 1860 г.: И. С. Аксаков сопровождал тогда смертельно больного брата на лечение за границу, Тютчев также ехал поправить здоровье. «Здесь встретились мы с Фед. Ив. Тютчевым, — пишет Аксаков родным 29 августа 1860 г.; — он очень обрадовался и принял в Константине живое участие. Нынче он уезжает в Баден, а оттуда едет также в Веве и также ест виноград. Он, кажется, с семейством. Это–то хорошо, что Тютчев там будет, если уж и Константину придется туда ехать, хотя, вообще говоря, довольно противно жить в обществе туристов»⁸. А вот свидетельство Тютчева: «Другой брат, Иван, только что вернулся из славянских земель, и его рассказы, особенно в настоящую минуту, представляют необыкновенный интерес. Эта встреча очень меня порадовала»⁹. Как видим, Тютчев явно заинтересован лично-

³ См.: *Кожин В. В.* Тютчев. М., 1988. С. 261.

⁴ *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. М., 1994. С. 343.

⁵ Так, при прямом посредничестве Аксакова в «Русской Беседе» было напечатано программное стихотворение Тютчева «К Ганке»; см. письмо П. И. Бартенева И. С. Аксакову от 10 декабря 1858 (Лит. наследство. Т. 97. Кн. 2. С. 297).

⁶ Ср. письмо И. С. Аксакова от 15 мая 1860 г. родным из Вены: «Также встретился с одним знакомым мне русским, который прямо из Петербурга, где накануне обедал у Тютчева и видел у него только что вышедшую *Беседу*. Говорит, что Тютчев чрезвычайно доволен моими стихами и читал их сам вслух всем после обеда. Мне это очень приятно» (И. С. Аксаков в его письмах. М., 1892. Т. 3. Ч. 1. С. 432).

⁷ О перекличках некоторых тем и мотивов поэтического наследия И. Аксакова с лирикой Тютчева («стихотворные совпадения с „Silentium“ в исповедально–наставительном „Вопросом дерзким не пытай...“», тема безверия, образ России) см.: *Касаткина В. Н.* И. С. Аксаков — биограф Ф. И. Тютчева // Иван Сергеевич Аксаков и его „Биография Федорова Ивановича Тютчева“. Комментарий. М., 1997. С. 22–26).

⁸ И. С. Аксаков в его письмах. Т. 3. Ч. 1. С. 481–482.

⁹ Ф. И. Тютчев — Э. Ф. Тютчевой, 1 / 13 сентября 1860 г. // *Старина и новизна*. Кн. 21. С. 173.

стью и суждениями молодого Аксакова. Поэт–философ очень ценил тех людей, в которых находил родственный ему самому образ мысли. И обнаружив такое родство, по мере сил и возможностей стремился его укреплять — через личные беседы, переписку, даже через третьих лиц.

Спустя год с небольшим он так напишет Аксакову по поводу первого номера «Дня»: «Трудно выразить то отрадное чувство, с каким читается ваш „День“. словно просыпаешься от какого–то тяжелого, больного, нелепого сна, просыпаешься к жизни, к сознанию действительности, к сознанию самих себя... Вы, вы вашими несколькими статьями на деле доказываете истину вашего учения»¹⁰. С этого–то письма, содержащего и сочувственные размышления, и ненавязчивые советы, и началась та многолетняя поддержка — словом, оригинальными идеями, практическими указаниями, наконец, заступничеством у властей, которую на протяжении восьми лет оказывал Тютчев изданиям Аксакова.

Факт воздействия тютчевских идей на публицистику Аксакова периода «Москвы» и «Москвича» (1867–1868) у исследователей уже не вызывает сомнений¹¹. Действительно, Тютчев, в 1866 г. ставший тестем Аксакова (Иван Сергеевич женился на его старшей дочери Анне Федоровне, фрейлине императрицы Марии Александровны), не только заботится о поддержке этих изданий, всячески утверждая их авторитет как в правительственной среде, так и в окружении самого императора, по мере сил отводя от «Москвы» удары цензуры, но и активно влияет на направление этой газеты в целом ряде стержневых ее тем, касающихся как внутренней, так и внешней политики (вопросы о государстве и обществе, о свободе печати, о России и Западе, о католичестве и православии, славянский вопрос и т. д.). Что же касается газеты «День» (1861–1865), то до сих пор говорилось лишь о внимательном и сочувственном отношении к ней поэта, но никак не о возможности влияния. Данных на этот счет действительно, на первый взгляд, слишком немного. В сравнении с большим числом писем Тютчева Аксакову и его жене за 1866–1868 гг. (23 и 30), за период издания «Дня» сохранилось лишь 4 письма¹², а ведь в случае с «Москвой» и «Москвичом» гипотеза «о фактическом сотрудничестве поэта в изданиях Аксакова»¹³ выстраивалась именно на их переписке.

¹⁰ Письмо от 23 октября 1861 г. // Лит. наследство. Т. 97. Кн. 1. С. 262–263.

¹¹ См. напр.: Чулков Г.И. Тютчев и Аксаков в борьбе с цензурой // Мурановский сборник. Мураново, 1928. Вып. 1; Пигарев К.В. Тютчев и проблемы внешней политики царской России // Лит. наследство. Л., 1935. Т. 19–21; Кожинов В.В. Тютчев; Твардовская В.А. Тютчев в общественной борьбе пореформенной России // Лит. наследство. Т. 97. Кн. 1. С. 156–160; см. также комментарий к публикации писем Тютчева А. Ф. и И. С. Аксаковым в изд.: Лит. наследство. Т. 97. Кн. 1.

¹² Правда, И. С. Аксаков, прекращая «День», уничтожил, по его собственным словам, «множество разных, во время оно животрепещущих писем и бумаг», хотя и оставил кое–что «для будущих Бартеневых» (И. С. Аксаков — А. Ф. Тютчевой, 28 декабря 1865 г. // РГАЛИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 236, л. 293). Не следует забывать и того обстоятельства, что сохранность писем 1866–1868 гг. в немалой степени могла быть заслугой старшей дочери Тютчева, а в 1861–1865 гг. такого заинтересованного лица в доме Аксаковых еще не было.

¹³ Твардовская В. А. Тютчев в общественной борьбе пореформенной России. С. 157.

Но не следует забывать, что помимо прямых доказательств существуют и доказательства косвенные. И первое доказательство в этом ряду — упомянутое письмо с сердечным приветствием по поводу начала издания «Дня». Оно написано явно с «дальним прицелом». Тютчев здесь полностью солидаризируется с направлением газеты, подчеркнуто превознося заслуги славянофилов и самого Аксакова в формировании истинно национальной точки зрения на историю и будущее российского государства¹⁴. Он безоговорочно хвалит первые передовицы «Дня» («превосходные две передовые статьи»), выдержанные в резком, обличительном тоне и вызвавшие протестующие отклики в русской прессе не только либерально-демократической, но и умеренной, почвенной ориентации («Время» братьев Достоевских). Тютчев усваивает даже самый этот тяжеловесный, клеймящий тон, призывая «не боясь никаких нареканий, ни заподозрений, от имени России налечь всею силою вашего праведного омерзения на этих выродков человеческой мысли, которыми все более и более наполняется земля Русская, как каким-то газом, выведенным на божий свет животворной теплотой полицейского начала»¹⁵. Во всем этом чувствуется некая нарочитость, форсаж: при всей солидарности с утверждениями Аксакова о необходимости поставить дело реформ на твердую почву национального самосознания, о миссии России как объединительницы славянских народов Тютчев никак не мог быть до конца согласен с тем радикальным негативизмом в оценке «общественной <...> преимущественно литературной жизни»¹⁶, который сквозил в каждой строчке двух первых аксаковских передовиц. Так же как никогда не был поэт (не забудем — 22 года проведенный при дипломатической миссии) сторонником суждений, пусть по содержанию и справедливых, но слишком крайних и резких по форме, невольно провоцирующих противоположную (а особенно — власть имеющую) сторону не столько на то, чтобы внять и прислушаться, сколько на то, чтобы возмутиться, ополчиться и принять всевозможные меры. Неоднократно, уже в период издания газеты «Москва», он сетовал на резкость и излишнюю — раздражающую — прямоту заявлений Аксакова, восстанавливавшую против него правительственных лиц. Здесь же он лишь очень деликатно и осторожно замечает: «Я знаю, некоторые из лучших друзей ваших будут и теперь еще проповедовать вам об *умеренности*. Благой совет, конечно, стоит только хорошенько понять, что такое умеренность, и может ли ее не быть там, где есть чувство правды и любви» — и тут же пытается смягчить возможное негативное впечатление от этого легчайшего и в высшей степени деликатного намека: «Но заставлять человека, умеренности ради,

¹⁴ «Откуда это их превосходство над всем без изъятия, что у нас пишется и печатается, эта бездна, отделяющая вас, не говорю вообще о всей нашей журналистике, но от лучших из ее деятелей? От одного ли превосходства личного вашего дарования или от той среды, в которой вы живете и движетесь?.. Нет, тут разница не количественная, но существенно *качественная*» (Ф. И. Тютчев — И. С. Аксакову, 23 октября 1861 г. // Лит. наследство. Т. 97. Кн. 1. С. 263).

¹⁵ Там же.

¹⁶ День. 1861. 21 октября. № 2 (передовая статья).

постоянно говорить не своим голосом, нет, это поистине неумеренное требование»¹⁷.

В подобной дипломатии, впрочем, просматривается вполне понятная цель. Тютчеву важно расположить к себе редактора «Дня», подготовив, тем самым почву для будущего диалога, а при благоприятных обстоятельствах — и прямого влияния¹⁸. Даже в этом первом *комплиментарном* письме он уже попутно *дает советы* Аксакову, настраивая его на необходимость высказаться с позиций славянофильского учения «по всем вопросам» общественной и духовной жизни страны, ориентируя «День» на завоевание ведущей позиции в спектре отечественной журналистики, пророча ему роль своего рода духовного знамени всех русских сил¹⁹.

Личных встреч и бесед Аксакова с Тютчевым, не говоря уже о кратких деловых сношениях, за годы издания «Дня» также было немало. Тютчев во время своих поездок в Москву всегда стремился бывать у Аксакова и искренне огорчался, когда обстоятельства тому препятствовали. В 1861–1865 гг. стихи Тютчева большей частью печатались именно в «Дне». Доставляли их гр. А. Д. Блудова, А. Ф. Тютчева, а также сам поэт. В этом смысле Аксаков считал Тютчева как бы своим сотрудником, а быть сотрудником для него значило быть единомышленником. Не случайно так огорчился он публикацией подборки стихотворений поэта в «Русском вестнике» 1865 г.: «...я не люблю, — писал он дочери Тютчева, — делиться с другими редакциями моими сотрудниками, потому что предполагается, что мой сотрудник признает мое знамя»²⁰. И хотя далее в письме следует фраза: «Конечно, Ф. И. стоит вне партий и определенных направлений, как поэт, следующий теории свободного искусства»²¹, она не более, чем дань досаде и некоторой, впрочем, извинительной едкости. Известно, как не уважал Аксаков искусство без *тенденции* в высоком смысле этого слова — без христианской, нравственной, общественной его направленности²².

О том, что Аксаков действительно считал Тютчева человеком близким по убеждениям, несмотря на все человеческие его слабости, и весьма дорожил мнением поэта-мыслителя, свидетельствует и его переписка с гр. А. Д. Блудовой, относящаяся к первым годам издания «Дня». Графиня,

¹⁷ Ф. И. Тютчев — И. С. Аксакову, 23 октября 1861 г. // Лит. наследство. Т. 97. Кн. 1. С. 263.

¹⁸ Подобным же в высшей степени дипломатическим образом действовал он с А. М. Горчаковым и М. Н. Катковым, сначала настраиваясь на «волну» адресата и собеседника, а затем на этой самой «волне» осторожно ориентируя его на свои мнения, планы, идеи.

¹⁹ «...чтобы наконец поняли <...> что в России нет и быть не может другого *консервативного* начала, кроме Вашего» (Лит. наследство. Т. 97. Кн. 1. С. 263).

²⁰ И. С. Аксаков — А. Ф. Тютчевой, 2 октября 1865 г. // РГАЛИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 236, л. 98.

²¹ Там же.

²² См., например, его письмо А. О. Смирновой от 25 декабря 1850 г.: «Нет, какой я поэт! Во мне слишком много гражданина, который вытесняет поэта» (Русский архив. 1895. № 12. С. 44). Вспоминаются здесь и упреки в «излишнем реализме», брошенные уже гораздо позднее Аксаковым в адрес Достоевского, и высказанная им по этому поводу мысль, что «высшее искусство требует и в изображении, и в обличении порока целомудренности со стороны художника» (И. С. Аксаков — Н. Н. Страхову. 28 августа 1883 г. // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 344, втор. пагин.).

стремившаяся тогда активно опекать и направлять газету, в своих отзывах и советах постоянно апеллирует к авторитету Тютчева, едва ли не действуя по его наущению: «Тютчев говорит: хорош первый номер „Дня“ — вот наконец *живой голос*, и понимаешь, что тут дело идет о России»²³. Без этого *argumentum ad hominem* не обходились и отрицательные суждения Блудовой: «Тютчев недоволен передовой статьей, потому что опять притча выходит, которая уже надоела»²⁴, — писала она, к примеру, по поводу передовицы в № 16 «Дня» за 1862 г., в которой Аксаков сравнил народную Русь с колымагой, что засела в трясине, а фореитору (образованному обществу) и невдомек — он по-прежнему скачет вперед, будучи искренне убежден, что она за ним едет.

Характерно, что особое недовольство Блудовой вызвал жесткий тон первых передовых статей «Дня», безапелляционность и непримиримость суждений, резкие нападки на правительство, обвинения в адрес общества. «Но, Христа ради, будьте терпеливы и приучайте *мало-помалу* публику к живому слову», — увещевала она Аксакова в письме от 27 октября 1861 г.²⁵ Тот же призыв к осторожности звучит и в других письмах Блудовой осени 1861 г., причем подкрепляет она его ссылками опять же на Тютчева. На первый взгляд это противоречит уже цитировавшемуся слову самого поэта из его письма к Аксакову от 23 октября 1861 г. — о том, что нельзя ради умеренности заставлять человека (сиречь редактора «Дня») говорить «не своим голосом». Но противоречит только на первый взгляд: Тютчев не мог не понимать, чем чревата для новой газеты слишком резкая и непримиримая позиция в отношении внутренней ситуации в стране. И декларируя ее редактору всецелую приязнь и поддержку, стремясь расположить его к себе, он в то же самое время искал окольных путей, по которым мог бы донести до него свои опасения и свои советы писать более сдержанно. Графиня Блудова, близкий друг семьи Тютчевых и самого И. Аксакова, славянофилка по убеждениям, оказалась в этом отношении идеальным посредником. В своих письмах она настойчиво убеждала Аксакова отойти на время от слишком острых и «чреватых» внутривополитических вопросов, сосредоточиться прежде всего на вопросе славянском (совет этот исходил прямо от Тютчева, но об этом мы подробнее скажем в дальнейшем) и не дразнить власть предрежающим вызывающим тоном своих статей²⁶.

Впрочем, И. С. Аксаков, на проповедь Блудовой об *умеренности* реагировал своеобразно: он отвечал ей... ссылками на то самое письмо Тютчева от 23 октября 1861 г., позицию которого сам поэт так старался уравновесить при помощи эпистол графини: «Посылаю Вам мою карточку,

²³ А. Д. Блудова — И. С. Аксакову, 16 октября 1861 г. // ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 53, л. 27 об.

²⁴ А. Д. Блудова — И. С. Аксакову, 30 января 1862 г. // Там же, ед. хр. 54, л. 14 об.

²⁵ Там же, ед. хр. 53, л. 36.

²⁶ «Только, пожалуйста, будьте осторожны, чтоб жизнь не сделалась для Вас слишком затрудненной» (письмо от 18 октября 1861 г.); «будьте осторожны и не задевайте других вопросов, покада „довлеет дневи злоба“ одного славянского вопроса», «уж пассии внутренние оставьте до времени» (письмо от 30 октября 1861 г.) // ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 53, лл. 30, 39).

чтобы Вы, взглянувши, соображали, можно ли этого господина просить петь, как говорит в письме своем Федор Иванович Тютчев, не своим голосом. Вот Гильфердинг бранит мне мою передовую статью в 4 № и говорит, что все это можно бы сказать гораздо смирнее, тише, вот так и вот эдак, одним словом, его голосом»²⁷.

Жестокий спор разгорелся между А. Д. Блудовой и И. С. Аксаковым по поводу передовой статьи № 5 «Дня» за 1861 г. — для нас он прежде всего интересен тем, в каком контексте поминалось с обеих сторон имя Тютчева. Статья Аксакова была направлена против университетской лекции Б. Н. Чичерина, в которой философ и правовед выступил с апологией государства как единственно возможной и совершенной формы общественного устройства. Аксаков, возражая Чичерину, противопоставил внешнему, «принудительному началу» «начало внутренней свободы и совести», которое одно и должно бы главенствовать в исторической жизни людей. Современная государственная власть, подчеркнул публицист, возводит в мерило истины «формальной» закон и тем отрывает себя от исконного народного мирозерцания, основанного на совести и «внутренней правде»²⁸. А. Д. Блудова очень резко отреагировала на эту статью, усмотрев в высказываниях типа: — «государство — начало неволи» путь «к самому хаотическому своеволию»²⁹; вслед за отцом, известным государственным деятелем Д. Н. Блудовым, она упрекала Аксакова в сдаче славянофильских позиций, в «делке совести перед нападками той самой литературы Чернышевского и „Русского слова“»³⁰. И при этом ссылаясь опять-таки прежде всего на мнение Тютчева: «Батюшка и Фед. Ив. Тютчев через меня предупреждают Вас, что Вы пошли по дурной дороге — уже хотели запретить газету за статьи такого рода, как 5-й. Вы и газету погубите, и Гилярова, которого Вы все-таки втянули в цензора! <...> Фед. Ив. Тютчев в отчаянии, он видит из-за Чичерина ту ж полемику, которая так уронила и Крылова, и „Молву“, а все-таки тогда хоть Чичерин был виноват <...>. Ф. И. Тютчев говорит, что все [1 слово нрзб.] журналисты восторжествуют, что они из страха их критики довели Вас до <...> отречения от первых номеров»³¹. Аксаков довольно резко отвечал на упреки графини в союзе с демократами и в противостоянии двору («сделать из меня Hofpoet'a или Hofpublicist'a вам не удастся»³²). Его ничуть не смутило, что статья не понравилась «двору» и «Делянову», это для него в порядке вещей. Но он искренне огорчен отзывом Тютчева, гораздо даже более, чем отзывом Д. Н. Блудова: «Что не нравится вашему батюшке — это мне искренно прискорбно, но это я приписываю неясности статьи или какому-нибудь недоразумению:

²⁷ И. С. Аксаков — А. Д. Блудовой, 10 ноября 1861 г. // И. С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. С. 232.

²⁸ День. 1861. 11 ноября. № 5 (передовая статья).

²⁹ А. Д. Блудова — И. С. Аксакову, 13 января 1862 г. // ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 54, л. 3 об.

³⁰ А. Д. Блудова — И. С. Аксакову, 13 ноября 1861 г. // ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 53, л. 75 об.

³¹ Там же, лл. 75–76 об.

³² И. С. Аксаков в его письмах. М., 1896. Т. 4. Ч. 2. С. 201.

он читал или вернее слушал статью уже предубежденным. Что Федору Ивановичу не нравится — это меня просто удивляет: для него не должно было бы быть даже и недоразумения! Он может называть статью неосторожной, недипломатической, наконец, неловко выраженной, но я никак не предполагал (впрочем, я его мало знаю), чтоб он был против идеи самой статьи»³³. Как видим, Аксаков требует от Тютчева по самому большому счету, не допуская ни недоразумения, ни непонимания (в чем извиняет, кстати, саму графиню: «вы просто—напросто не поняли моей статьи»³⁴). Его слова прямо свидетельствуют о том, что убеждения Тютчева были ему достаточно хорошо знакомы (несмотря, быть может, на слабые еще личные связи), знакомы и приняты как родственные и близкие. Отсюда и удивление реакции Тютчева на статью, в которой сам Аксаков, подходивший к социальным вопросам с высшей, религиозной точки зрения и потому выступавший против обожествления государственной власти³⁵, выражал, в сущности, те же позиции, что и поэт—философ. Ведь о превосходстве нравственного, религиозного чувства над внешним формальным законом Тютчев писал еще в статьях «Россия и революция» и «Папство и римский вопрос». Это был один из главных признаков, по которым противопоставлял он мир Восточной Европы цивилизации Запада. И Аксаков, утверждавший, что «идеал русского народа не государственное совершенство, а создание христианского общества»³⁶, не мог не счесть его по этому вопросу всецело с собой солидарным.

Особенно сблизилась Аксаков и Тютчев летом 1863 г., когда польское восстание вызвало дипломатическую коалицию западных держав против России. Тютчев в то время «жил в самом центре московской прессы, между Катковым и Аксаковым, служа чем—то вроде официозного посредника между печатью и министерством иностранных дел»³⁷. Вместе они обсуждали создавшееся положение, вместе хлопотали о «колоссальном обеде и пользу ответов Горчакова как изъяснении общественного мнения»³⁸. Установившееся между ними доверие и идейное согласие позволяли использовать Тютчева в качестве своеобразного посредника в доставлении материалов для газеты Аксакова³⁹.

Содействовал Тютчев Аксакову и в его столкновениях с цензурой. Еще в 1861 г. именно к Тютчеву как председателю Комитета иностранной цензуры обратился Аксаков через графиню Блудову с просьбой помочь

89181

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ «Государство, конечно, необходимо, но не следует верить в него, как в единственную цель и полнейшую норму человечества. Общественный и личный идеал человечества стоит выше всякого совершеннейшего государства, точно так же как совесть и внутренняя правда стоят выше закона и правды внешней» (День. 1861. 11 ноября. № 5, передовая статья).

³⁶ Там же.

³⁷ Ф. И. Тютчев — Э. Ф. Тютчевой, 1 августа 1863 г. // Старина и новизна. Кн. 21. С. 199.

³⁸ Д. И. Сушкова — Е. Ф. Тютчевой, 19 / 31 июля 1863 г. // Лит. наследство. Т. 97. Кн. 2. С. 341.

³⁹ См. письмо Д. И. Сушковой — Е. Ф. Тютчевой от 17 / 29 июля 1863 г. // Там же. С. 340.

в «процензурировании» послания «К сербам»⁴⁰. В доме Тютчева читали запрещенные статьи Аксакова, вместе с графиней Блудовой поэт хлопотал о дозволении их к печати, а дочь его, Анна Федоровна, фрейлина императрицы Марии Александровны, благоволившей газете «День», ходатайствовала через нее о высочайшем разрешении недопущенных передовиц.

Анна Федоровна Тютчева, обладавшая незаурядным умом, серьезностью мысли и чувства и всецело разделявшая убеждения отца, сыграла в отношениях Тютчева и Аксакова далеко не последнюю роль. И. С. Аксаков сближается с ней именно в годы издания «Дня», и графиня Блудова, активно газету поддерживавшая, но в то же время явно боявшаяся всяких непредсказуемых «выходок» ее редактора и издателя и не оставлявшая надежды его образумить, чрезвычайно поощряла это сближение. «Это письмо, — сообщает она Аксакову 16 мая 1861 г., — привезет в Москву Анна Федоровна Тютчева. Старайтесь видеться с нею, оно и для нее утешительно среди пошлости придворной жизни, и для Вас, надеюсь, не неприятно поговорить о нас [1 слово нрзб.] чухонских друзьях Ваших»⁴¹. Поминает Анну Федоровну графиня и в других своих письмах, не забывая попутно сообщать о ее реакции на передовые статьи «Дня»⁴² — большей частью положительные и сочувственные, что явно нравится Аксакову.

Летом 1862 г., когда Блудовы и Тютчев были за границей, Аксаков и старшая дочь поэта знакомятся ближе: «В ваше отсутствие, — сообщает он Блудовой 8 сентября 1862 г., — я ближе познакомился с Анной Федоровной, сначала — посредством переписки, а потом и лично. И как я этому рад и благодарен за это судьбе. Знакомство с нею я считаю истинным приобретением; редкая женщина внушала мне такое *живое* уважение к себе, как А. Ф. — Я постоянно люблюсь живучестью ее души в этой мертвящей среде, этим высоким строем мысли и чувства!.. Какая она славная!»⁴³ В ответном письме А. Д. Блудова горячо откликается на эти строки: «Я очень рада, что Вы сблизились с Анной Федоровной, Вы помните, что я давно Вам говорила о ней. <...> Есть, слава Богу, такие чистые души и среди придворной и среди литературной сволочи, ибо сволочь есть везде, во всех сферах, и как утешительно находить такой дорогой бисер. <...> Ваши натуры очень походят, и я Вас обоих от души люблю»⁴⁴.

«Строй мысли и чувства» старшей дочери Тютчева, действительно, оказался удивительно близок Аксакову. В письмах Анне Федоровне осени 1865 г., уже будучи ее женихом, он не устает удивляться тому, «как дочь графини Ботмер, до 17 лет воспитывавшаяся в Германии, могла так самостоятельно прийти к крайним выводам славянофильства, приложенным к практике только Хомяковым, впоследствии братом — ультраславянофи-

⁴⁰ См. письмо И. С. Аксакова А. Д. Блудовой от 7–8 ноября 1861 г. // И. С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. С. 208.

⁴¹ А. Д. Блудова — И. С. Аксакову, 16 мая 1861 г. // ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 53, л. 8 об.

⁴² См., например, ее письма Аксакову от 8 ноября 1861 г., 20 января 1862 г., 26 марта и 14 мая 1863 г. // ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 53, 54.

⁴³ ИРЛИ, ф. 3, оп. 2, ед. хр. 8, л. 12 об.

⁴⁴ А. Д. Блудова — И. С. Аксакову, 23 сентября / 5 октября 1862 г. // ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 54, л. 60 об.

лами?»⁴⁵. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, ведь Анна — в полном смысле слова «духовное чадо» своего отца, ее убеждения во многом сформировались именно под воздействием Тютчева⁴⁶. И в меру сил в годы издания «Дня» она, вслед за графиней Блудовой, осуществляла своеобразное посредничество между Тютчевым и Аксаковым. Посылала стихи поэта⁴⁷, сообщала его мнения о передовицах «Дня», передавала его советы⁴⁸.

В своих письмах Анна Федоровна часто повторяет отца, воспроизводит его мысли и суждения, и, вполне вероятно, далеко не всегда без его собственного ведома и желания. Так, Тютчев был чрезвычайно расстроен намерением Аксакова прекратить с 1866 г. издание «Дня», всячески убеждая его изменить это намерение: «„День“ во что бы то ни стало не должен ни на минуту сходить с нашего горизонта. Значение ваше не в рати, а в знамени. <...> Не бросайте и не передавайте его»⁴⁹. Когда же у Аксакова возникла компромиссная идея — не бросить совсем газету, а реорганизовать ее в журнал, — он нашел самую горячую поддержку этого замысла... в Анне Федоровне⁵⁰. И это несмотря на то, что подобное решение явно осложнило бы первый год их семейной жизни, сделало бы нереальным обоюдное желание будущих супругов хоть на время уйти от общества, уединиться в Абрамцеве. Интересы дела, славянофильского «знамени» для А. Ф. Тютчевой, как и для ее отца, оказываются в данном случае на первом — и только на первом — плане.

В последние месяцы издания «Дня» Тютчев и Аксаков особенно сблизились. Разумеется, тому способствовала близящаяся женитьба Ивана Сергеевича на Анне Федоровне, но далеко не последнюю роль сыграло и единомыслие во взглядах, которое только укреплялось во встречах и долгих беседах⁵¹. В письме Аксакова, при сообщении невесте о решающем разговоре с ее отцом (Аксаков просил тогда у Тютчева руки его дочери), такие строки: «Затем, так как мы оба были взволнованы, то мы предпочли оставить вашу особу в покое и перейти к разговорам о состоянии России,

⁴⁵ И. С. Аксаков — А. Ф. Тютчевой, 16 августа 1865 г. // РГАЛИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 236, л. 31.

⁴⁶ Вот строки одного из писем к ней отца: «Кое-что в твоих письмах, как ты сама понимаешь, я прочел не без некоторого удовлетворения, похожего на чувство удовлетворенного... авторского самолюбия» (Ф. И. Тютчев — А. Ф. Тютчевой, 10 октября 1861 г. // Тютчев Ф. И. Соч.: В 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 195).

⁴⁷ См. ее письма И. С. Аксакову от 25 мая / 6 июня 1862 г., 22 января / 3 февраля 1865 г.; А. Ф. Тютчевой от 10 / 22 января 1865 г. (Лит. наследство. Т. 97. Кн. 2. С. 329, 368).

⁴⁸ «Ваши два первые №№ „Дня“ великолепны, все статьи прекрасны, особенно ваша по поводу Энциклики — папа от нее в восторге» (письмо от 22 января / 3 февраля 1865 г. // Лит. наследство. Т. 97. Кн. 2. С. 368); «Отец поручил мне сказать вам, что он несколько разочарован тем, что вы не обрушились более резко на вашу „палату лордов“ домашнего изготовления в передовой статье „Дня“ № 3» (письмо от 3 / 15 февраля 1865 г. // Там же. С. 370).

⁴⁹ Ф. И. Тютчев — И. С. Аксакову, 8 февраля 1865 г. // Лит. наследство. Т. 97. Кн. 1. С. 265.

⁵⁰ «Как меня тешит и радует, моя Анна, что ты так к сердцу принимаешь проект о преобразении „Дня“, — пишет Аксаков невесте 26 октября 1865 г. (РГАЛИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 236, л. 157).

⁵¹ Некоторое время спустя Ф. И. Тютчев так напишет А. Ф. Аксаковой: «...твой муж всегда принадлежал к числу моих лучших убеждений» (письмо от 25 февраля 1866 г. // Лит. наследство. Т. 97. Кн. 1. С. 267).

о моем путешествии, о недоразумениях, в ней царствующих, и проговорили очень живо часа два, потом расстались в самых дружеских простых отношениях»⁵². Через два дня они снова встречаются и снова беседуют: «Нынче я вышел к обедне и встретился с Ф. И. Тютчевым, который шел ко мне. Он взял меня под руку, и мы с ним проходили слишком полтора часа, разговаривая. <...> Он очень хвалил мою статью»⁵³.

Мнения Тютчева далеко не безразличны Аксакову, он прислушивается к советам поэта, даже сам ищет их: «Мне очень приятно читать отзыв Федора Ивановича о моей статье, он для меня все же авторитет ума. Пожалуйста, передай и от меня искренний дружеский привет. <...> Не слишком ли рано выступать с защитой идеи самодержавия? Не лишнее ли было печатать письмо Касьянова?»⁵⁴. Выполняет Аксаков и прямые просьбы поэта, высказываясь на предлагаемые им темы, проводя в печать его стержневые идеи, но об этом речь пойдет далее.

Особенно сходились Аксаков и Тютчев в вопросе о свободе слова, о роли независимой, не стесненной цензурными препонами печати. Аксаков не мог не ценить убеждения своего старшего друга, который, несмотря на долгие годы службы по цензурному ведомству, всегда выступал против «вмешательства Власти в дело мысли»⁵⁵, против насильственных методов борьбы с ложными учениями, будучи уверенным, что «разлитию нигилизма» может противостоять только слово, имеющее под собой национальную, историческую, нравственную опору, только идеал, более высокий, чем принцип «все отрицать» или «все утопить».

Размышляя о том, сколь решающее значение придавал Тютчев действию печатного слова, как стремился сформировать в прессе орган «просвещенного национального мнения», все яснее начинаешь понимать, что «День» для него безусловно имел значение такого органа. Потому-то так противился поэт его прекращению. Конечно, в первой половине 1860-х гг., точнее, начиная с 1863-го, Тютчев активно курирует и «Московские ведомости», но здесь его влияние ограничивается прежде всего вопросами внешней политики. Через газету Каткова и Леонтьева он стремится проводить свои взгляды на события международные, разъяснять их политическое значение, трактовать в историософском ключе. «День» же до 1865 г. не имел политического обозрения. Да и Аксакова в первые два года издания явно интересовали больше внутренние дела страны — в этом смысле газета не могла удовлетворить претензий Тютчева-политика. Но она глубоко была близка ему во взгляде на русскую жизнь. Мысли о дворянстве и его роли в пореформенный период, о земстве и его значении, о правительстве и обществе, о роли «свободной и честной печати», развиваемые Аксаковым в его передовых статьях, находят целый ряд параллелей в письмах Тютчева

⁵² И. С. Аксаков — А. Ф. Тютчевой, 3 / 15 сентября 1865 г. // Лит. наследство Т. 97. Кн. 2. С. 378.

⁵³ И. С. Аксаков — А. Ф. Тютчевой, 5 сентября 1865 г. // Чулков Г. И. Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. М.; Л., 1933.

⁵⁴ И. С. Аксаков — А. Ф. Тютчевой, 5 октября 1865 г. // РГАЛИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 236, л. 111.

⁵⁵ Ф. И. Тютчев — И. С. Аксакову, 8 декабря 1865 г. // Лит. наследство Т. 97. Кн. II. С. 264.

тех лет. Так же как и взгляды «Дня» на славянский вопрос, на польскую проблему — здесь Тютчев для Аксакова авторитет уважаемый и признанный.

Тютчевские идеи в период издания «Дня» не просто пассивно присутствуют в сознании Аксакова, но и активно действуют в нем, ложатся в основу многих статей публициста-славянофила. Это утверждение тем правомернее, что Аксаков, будучи вынужден в течение более чем четырех лет регулярно — раз в неделю — выдавать по передовице и, за нехваткой сотрудников⁵⁶, писать и в другие отделы, чрезвычайно нуждался в свежих мыслях, новых идеях, — но при этом, разумеется, близких по направлению. Его перу порой катастрофически не хватало *материала*. Не случайно так горячо благодарит он друзей и сочувствующих за письма и советы: «Какое славное ваше письмо! Вот бы напечатать! — признается он графине Блудовой, — Но кое-чем я все-таки воспользуюсь. Вы это знайте теперь, когда пишете ко мне!»⁵⁷.

Все вышесказанное дает, так сказать, внешнюю, биографическую основу для утверждения о воздействии тютчевских идей на публицистику Аксакова уже в период издания «Дня». В последующих главах мы попытаемся подтвердить это утверждение конкретным анализом ряда ведущих тем аксаковских передовиц, уделив главное внимание именно тем вопросам, которые в те годы особенно волновали и Достоевского. В ряде случаев коснемся и газеты «Москва», которую Достоевский читал в течение первых трех месяцев ее издания (с 6 января по начало апреля 1867 г.) и в которой также нашли свое выражение многие философские и политические воззрения Тютчева.

«ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВА» И. С. АКСАКОВА, ЗАПИСКА «О ЦЕНЗУРЕ В РОССИИ» Ф. И. ТЮТЧЕВА И КОНЦЕПЦИЯ ПОЧВЕННОЧЕСТВА

Вопрос об отношении Достоевского к славянофильству в первой половине 1860-х гг., о значении статей И. С. Аксакова в газете «День» для формирования философско-исторических и религиозно-нравственных воззрений писателя поднимался неоднократно⁵⁸. При этом указывалось, что если в годы издания «Времени» (1861–1863) Достоевский весьма критичен к направлению аксаковского «Дня», то в 1864–1865 гг., в период журнала «Эпоха», намечается явная тенденция его сближения со славянофильством.

⁵⁶ «...я выношу покуда все на своих плечах: нет ни помощников, ни сотрудников около меня», — пишет он Ю. Самарину в самом начале издания «Дня» (письмо от 23 октября 1861 г. // ИРЛИ, ф. 3, оп. 2, ед. хр. 48), и эта жалоба не раз еще будет повторяться в его письмах друзьям за 1861–1865 гг.

⁵⁷ И. С. Аксаков — А. Д. Блудовой, 5–6 октября 1861 г. // И. С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. С. 191.

⁵⁸ См.: Гуральник У. Достоевский, славянофилы и почвенничество // Достоевский — художник и мыслитель, М., 1972; Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» 1861–1863. М., 1972; Ее же. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М., 1975; Твардовская В. А. Ф. М. Достоевский в общественной жизни пореформенной России. М., 1990.

Много тому способствовали и две заграничные поездки писателя, и внимательное чтение славянофилов⁵⁹ (с их учением он доселе был просто мало знаком), и личные контакты с И. С. Аксаковым, с которым Достоевский сошелся после своего переезда в Москву, к умиравшей жене, в конце 1863 г.

«В учении славянофилов, — читаем в комментарии к Полному собранию сочинений Достоевского, — Достоевского привлекают критика западноевропейской буржуазной цивилизации, неприятие католицизма и папства, защита славянства и православия как „нового слова“ в нравственном развитии человечества и т. п.» (28₂; 385). Высказывание это весьма характерно. Стала уже общим местом та точка зрения, согласно которой писателю была близка прежде всего религиозно-философская сторона славянофильского учения, в вопросах же внутреннего развития России, оценке послепетровского периода ее истории, эпохи реформ, роли общества и интеллигенции в национальном строительстве взгляды почвенника Достоевского, принимавшего Петра, ратовавшего за широкую активность образованного слоя в жизни отечества и т. д. и т. п., и славянофилов, все сие якобы отрицавших, коренным образом расходились.

Но ведь славянофильство 1860-х гг., и прежде всего славянофильство И. С. Аксакова, было явлением особым⁶⁰. Это далеко не «то же чистое, идеальное славянофильство, нимало не изменившееся», для которого «нет событий и нет уроков», как характеризовал Достоевский первые два номера «Дня» (19; 58). Напротив, его сторонники повернуты к современности, активно участвуют в движении реформ⁶¹. Что же касается И. С. Аксакова, то он еще в 1840–1850-х гг. «не разделял враждебности славянофилов к Петру I и его преобразованиям» и «бездеятельность ряда славянофилов раздражала его»⁶². Этот *enfant terrible* славянофильства отчаянно спорил с родными, друзьями — отцом, братом Константином, А. И. Кошелевым и др., упрекая их за чересчур восторженное отношение к допетровской Руси, за максимализм отрицания в оценке современности. «Допетровской Руси, — убеждал он брата в письме от 17 сентября 1856 г., — сочувствовать нельзя, а можно сочувствовать только началам, не выработанным или ложно направленным, проявленным русским народом; но ни одного скверного часа настоящего я не отдам за прошедшее»⁶³. Столь же крити-

⁵⁹ «Скажи Страхову, — пишет он М. М. Достоевскому из Турина 8 / 20 сентября 1863 г., — что я с прилежанием славянофилов читаю и кое-что вычитал новое» (28₂; 46).

⁶⁰ См. об этом: Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978; *Его же*. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986.

⁶¹ Ю. Ф. Самарин, А. И. Кошелев, В. А. Черкасский участвовали в подготовке крестьянской реформы в России, а затем в Польше (двое последних в 1864 г. были направлены в Царство Польское на административные посты). Неоднократно выступали в печати, преимущественно в газете «День» со статьями, посвященными проблемам внутреннего развития страны на пореформенном этапе. Настоящим событием стал выход в 1868 г. книги Ю. Ф. Самарина «Окраины России», дававшей критическую оценку политики российского правительства в Прибалтике и намечавшей альтернативные пути решения «остзейского вопроса».

⁶² Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. С. 41.

⁶³ И. С. Аксаков в его письмах. Т. 3. Ч. I. С. 281.

чен Аксаков и к «Русской Беседе»: «Я недоволен программой „Русской Беседы“, да и вообще не люблю программ, не люблю этих вывесок направления. Не слышится мне во всем этом ни теплой любви к истине, ни горячего стремления к ней и к благу общему, а много умной суеты, самолюбивой потехи; нет искания истины, а самонадеянная, заносчивая уверенность в том, что уже поймали и держат ее за хвост, гордая проповедь, односторонняя, гремучая, считающая все вопросы порешенными, но нисколько не снявшая печати с таинства русской жизни!..»⁶⁴. В другом письме он высказывается еще резче: «Это не журнал, а четыре сборника, очень слабо удовлетворяющие современным требованиям, и именно теперь, когда после потрясения войны, при новой правительственной эпохе, все в России в брожении, все жаждет разрешения поднятых вопросов, не отвлеченных, но жизненных, животрепещущих»⁶⁵.

Но разве не похоже это, не совпадает с поразительной точностью с теми упреками, что спустя пять лет адресуется славянофилам уже Достоевский? Ведь именно в слепом преклонении перед Московской Русью, в неприятии к современности и непонимании ее, в головных, отвлеченных теориях, неприменимых к живой плоти текущего, в том, что учат заносчиво и свысока и осуждают «со всею жестокостью исступленного идеализма» (19; 62), обвинял он славянофилов в статье «Последние литературные явления. Газета „День“». Получается, что Достоевский упрекает Аксакова в том же самом, в чем тот в свое время не раз обвинял брата Константина. Впрочем, дело прояснится, коль скоро мы поймем, какие задачи двигали И. С. Аксаковым в двух его первых передовицах в газете «День», которые и стали основным объектом полемики Достоевского.

Издание «Дня» было предпринято менее чем через год после смерти К. С. Аксакова и А. С. Хомякова, двух главных столпов славянофильства, когда перед оставшимися — И. С. Аксаковым, Ю. Ф. Самариним, А. И. Кошелевым и др. — встал вопрос «о тех обязанностях, которые налагает на нас связь с умершими, о наследстве, ими оставленном, об общественном положении славянофильства, о том, разойтись ли нам или теснее соединиться, загасить ли последние лучины, довольствуясь тем, что ветер по сторонам разнес несколько искр, или раздуть их и поддерживать по возможности пламя, создавать ли новый орган литературный, или отказаться от деятельности литературной in corpore»⁶⁶. И. С. Аксаков, как показывает его переписка 1861 г. с графиней А. Д. Блудовой, А. И. Кошелевым, Ю. Ф. Самариним и др., начиная выпуск своей газеты, более всего был озабочен тем, чтобы сохранить чистоту знамени, не погрешить и не покрыть душу против славянофильского наследства, того самого наследства, к которому еще так недавно относился далеко не апологетически. Первые статьи «Дня» и выдержаны — причем совершенно сознательно — в духе

⁶⁴ И. С. Аксаков — К. С. Аксакову, 7 марта 1856 г. // Там же. С. 243.

⁶⁵ И. С. Аксаков — К. С. Аксакову, 28 ноября 1856 г. // Там же. С. 306.

⁶⁶ И. С. Аксаков — Ю. Ф. Самарину, 12 января 1861 г. // ИРЛИ, ф. 3, оп. 2, ед. хр. 48, л. 18 об.

«старшего славянофильства», близки идейному голосу Константина Аксакова: резки, непримиримы, отрицают всякое положительное начало в современности, кроме начала народного; не признают ни общественной деятельности, ни литературы и призывают ветхозаветно: «Уготовайте путь Господень. Покайтесь!»⁶⁷ И надо сказать, эти передовицы были с досадой восприняты не одними противниками славянофильства, но и некоторыми его сторонниками, что шире, современнее и гибче смотрели на вещи. Так, В. И. Ламанский упрекал Аксакова за «некоторую отвлеченность выражений», за резкость учительства и тон свысока: «К чему это *покайтесь*. Зачем этот учительский, пророческий тон. Этот *стиль* — в духе семитов, арабов, евреев, но никак не нас, арийцев»⁶⁸.

Однако долго в тоне «старшего славянофильства» И. С. Аксаков не продержался — слишком чуток был к современности и не мог не выступить против отвлеченных теорий, попирающих действительную жизнь, пренебрегающих теми началами, которые «коренятся в характере и умственном складе народа, в его нравах, в его истории»⁶⁹. Да и задачи газеты виделись ему в том, чтобы она «отзывалась на каждое явление общественной жизни, подвергала его суду с известной точки зрения», чтобы «результаты, добытые отвлеченным мышлением, результаты, добытые славянофильством», объяснялись, «так сказать, на деле, примером», проводились в жизнь, озаряли «смысл современных явлений жизни»⁷⁰. И «День» действительно откликался на все ключевые вопросы времени — крестьянский, дворянский, судебный, вопрос о юго-западных окраинах и железных дорогах, о студенчестве и нигилизме, о свободе слова и цензуре, трактуя их со славянофильских позиций. Не случайно и Достоевский в статье «Два лагеря теоретиков (по поводу „Дня“ и кой-чего другого)» главным достоинством новой газеты назвал именно это ее стремление затрагивать «самые существенные стороны нашей русской жизни» (20; 9). «Поставляя выше всего, хотя и понимая по-своему интересы земства, он [„День“] сказал такое живое и дельное слово о крестьянском деле и тесно связанном с ним вопросе дворянском, о цензе, широко им понятном... Он поднял в интересах русской народности и польский вопрос, чрезвычайно важный при настоящих обстоятельствах... А ведь подобные вопросы для нас в настоящее время — вопросы плоти и крови. От того или другого их решения зависит вся наша будущность, весь ход русского прогресса и цивилизации» (Там же).

Но подобная установка на современность не могла не вызвать обратного процесса — трансформации самой славянофильской теории в условиях нового времени. С 3 марта 1862 г. И. С. Аксаков начинает публикацию цикла статей об обществе — и это уже не катехизисное повторение пройденного, но *profession de foi* славянофильства на пореформенном этапе. «Мне кажется, — пишет он Ю. Ф. Самарину 22–23 марта 1862 г., — что

⁶⁷ День. 1861. 21 октября. № 2 (передовая статья).

⁶⁸ В. И. Ламанский — И. С. Аксакову, 28 октября 1861 г. // Русская мысль. 1916. № 12. С. 106.

⁶⁹ День. 1862. 20 октября. № 42 (передовая статья).

⁷⁰ И. С. Аксаков — Ю. Ф. Самарину, 26 апреля 1861 г. // ИРЛИ, ф. 3, оп. 2, ед. хр. 48, л. 28.

эти статьи восполняют некоторый пробел в славянофильском учении, особенно в учении Константина о Государстве и Земле. Там не было места обществу, литературе, работе самосознания. Непосредственность народного бытия и деятельность сознания, безличность единиц, народ составляющих, и личная деятельность их в обществе, все это не было высказано, а потому сбивало с толку публику и читателей, потому что понятия эти и представления, как неразграниченные, постоянно смешивались. В представлении нашем о допетровской Руси нет и места обществу, да и вообще нет места всем этим вопросам. <...> По крайней мере мне это все стало ясно только тогда, когда я стал об этом в последнее время думать и писать»⁷¹.

История допетровской Руси, утверждал Аксаков в цикле статей об обществе, публиковавшихся в газете «День» в марте–апреле 1862 г., складывалась во взаимодействии двух сил: народа и государства. Народ — это «особый цельный организм, в котором духовные отправления и процесс сознания совершаются иным порядком, нежели в отдельном человеке»⁷². Здесь нет места личности, индивидуальному самосознанию, господствует родовая, роевая жизнь. Государство возникает на определенном отрезке национальной судьбы как начало организующее, как форма, в которую отныне воплощается историческое бытие народа. Оно как «кора на дереве (здесь И. С. Аксаков пользуется ярким сравнением своего брата Константина. — А. Г.), которая должна подаваться, растягиваться, видоизменяться, согласно с внутренним развитием и деятельностью сердцевины»⁷³. Но, будучи силой формальной и внешней, государство мало–помалу начинает ослаблять и вытеснять начало непосредственной, «живой жизни», питающее бытие народа. И вместо того, чтобы лишь оформить стихию национального духа, дать ей выражение в самобытном типе исторического развития, стремится уже диктовать этой стихии свои законы. Переворот Петра и есть экспансия государственного начала, его посягательство на права земства, гегемония внешнего закона над внутренней правдой.

Пока, как видим, ход мыслей И. С. Аксакова всецело совпадает с теорией «земли и государства» его брата Константина. Но вот неожиданный поворот — гипертрофия государственного начала, особенно резко и губительно обнаружившая себя именно в петровскую и послепетровскую эпоху (народ при ослабленности в нем личного начала бессилен против нее), вызывает необходимость в некоей третьей силе, активной и сознательной, которая, будучи органически связана с духом и верованиями народа, противостояла бы губительному влиянию государства. Такой силой в последние два века и становится общество. Его возникновение и развитие, в сущности, являет собой процесс формирования самосознания нации. Ведь общество складывается из личностей, не утративших живой связи с народом и при этом способных, в силу своей образованности и просвещенности, перевести в область ясной мысли и конкретного дела те идеалы, которые сокровенно

⁷¹ Там же, л. 40.

⁷² День. 1862. 10 марта. № 2 (передовая статья).

⁷³ Там же.

и подспудно присутствуют в народной жизни. «Здесь уже не бессознательный процесс народного сознания и творчества <...> а деятельность самого народа на второй ступени своего бытия, деятельность самосознания»⁷⁴. Становясь инстанцией самосознания и самоопределения нации, сферой выработки ее нравственных и социальных ориентиров, общество выступает своего рода посредником между народом, живущим инстинктивной, «роевой» жизнью, и правительством, оторванным от живого источника отечественных преданий и верований. И только теперь, с появлением этой третьей силы, национальное целое получает возможность всестороннего и самобытного развития.

Уже из вышеизложенного видно, сколь радикально меняется в концепции И. С. Аксакова славянофильская схема русской истории. Ранее в ней было нечто от мифологемы «золотого века»: представление блаженной поры в прошлом по контрасту со скрежещущим, утратившим органичность и цельность настоящим; а единственно верным исходом из тупика современности был возврат к принципам и началам, одушевлявшим прежнюю Русь. Согласно же «теории общества», взаимоотношения государства и земства в Древней Руси были далеко не идеальными и в самих себе несли зародыш грядущего распада. Держались они лишь добровольным желанием власти, но никак не самосознанием земства, ибо «земская жизнь первой эпохи не успела выработать прочных залогов жизни умственной и деятельности духовной»⁷⁵, ибо «между государством и землею не было той среды, которую мы называем *обществом* и которая — независимо духовною деятельностью народного самосознания — могла бы придать силу земской стихии и сдержать напор государственного начала»⁷⁶. Общество складывается уже в период послепетровский, и, таким образом, два последних века русской истории вовсе не одной черной краской мазаны и не только «мрак, морока и позор» их основное качество, но содержат они элементы положительные и плодотворные. Более того, если в представлении «старших славянофилов» послепетровская эпоха связывалась с утратой национальной самобытности, с безумьем «рабского, слепого подражания» и, в конечном счете, с отказом от собственного исторического и духовного пути, то, по убеждению И. С. Аксакова, именно в эту эпоху сущность русского призвания уясняется полностью и окончательно. Цели и задачи отечественной истории не могли быть осознаны ни «древнею удельною Русью» («ибо задачу Русской Земли было выработать, одновременно и цельно, самосознание *всего русского* народа, а не той или другой местности, которая, развиваясь самостоятельно, развилась бы непременно в направлении одностороннем»⁷⁷), ни Московским государством (поскольку для уяснения нравственного идеала Руси и всего славянства требуется особенно напряженная деятельность самосознания, «а этой—то

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ День. 1862. 17 апреля. № 27 (передовая статья).

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

деятельности и не существовало в России в эпоху соборов»⁷⁸). Только петровское время и последовавшие за тем десятилетия, породив в русской жизни третью силу — общество — и придав ей значение сдерживающего государственный произвол начала, создали необходимые предпосылки для деятельности «сознательного духа», ясного определения (а не интуитивного лишь предчувствия) сути национального призвания⁷⁹.

Спустя восемь месяцев — в передовице первого номера «Дня» за 1863 г. — Аксаков вновь возвращается к «теории общества», главным образом чтобы разъяснить некоторые ее положения применительно к событиям текущего момента. Современное общество, по его мнению, отнюдь не стало еще тем, чем должно было бы стать: «выражением *народного* самосознания, деятельностью живых сил, выделяемых из себя народом, *народную* интеллигенцию в высшем значении этого слова»⁸⁰, оно «беспочвенно», не имеет корней, к тому же носит «полуправительственный характер», а в результате — «бездейственно» и «бессильно». Критика, казалось бы, по тону близкая первым номерам 1861 г. Но ею уже не исчерпывается оценка современности. Напротив, И. С. Аксаков отмечает те благотворные перемены, которые наметились в России в пореформенные годы. Меняется, пишет он, лик дворянского сословия, наиболее оторванного от почвы, являвшегося «учреждением государственным, политическим»⁸¹. Это сословие, составлявшее в то же время главную основу общества, движется, по мысли Аксакова, к явному сближению с земством и в этом сближении наконец осознает свое призвание. Более того, именно оно призвано внести в земство «стихию сознания и просвещения, силу интеллигенции», себя же перевоспитать «в духе русской народности»⁸². Так закладываются в современности элементы «нашего будущего настоящего *русского* народного общества»⁸³, которое и станет наконец главной силой российской истории.

Мы не случайно столь подробно остановились на аксаковской «теории общества». В ее положениях есть целый ряд соответствий почвеннической концепции Достоевского. Это и признание в послепетровском периоде элементов, плодотворных для будущего развития страны, а не одних лишь негативных сторон. И убежденность, что назначение России не могло быть до конца уяснено, а тем более сделано «правилом жизни» ни в раздробленной «удельной Руси», ни в обособленном от остального мира Московском государстве, а раскрывается лишь в последние два века

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ О значении петровского переворота и о современной роли русского общества и русского земства в современности И. С. Аксаков собирался писать в статье, предназначенной для 28-го номера «Дня» за 1862 г. Но передовица была запрещена цензурой. Уже в наши дни она была обнаружена Н. И. Цимбаевым (ИРЛИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 55). Ее содержание с обширными выдержками приведено исследователем в его книге (*Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. С. 185–186*).

⁸⁰ День. 1863. 5 января. № 1 (передовая статья).

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

ее истории⁸⁴. А разве мысль о том, что образованное дворянство, сближаясь с земством, внесет в него «стихию сознания и просвещения» и само, в свою очередь, воспримет идеалы народа, не совпадает с тезисом Достоевского о «примирении интеллигенции с почвой»?

Перечень подобных совпадений может быть продолжен. В концепции Аксакова особое внимание уделено литературе, «печатному слову». Именно в этой сфере, по его мнению, и проявляется активность общества, вырабатывающего самосознание нации⁸⁵. Не раз весной 1862 г. на страницах передовиц «Дня» появляются высказывания типа: «где нет деятельности слова, там нет общества <...> или иначе: в истории позднейших времен без литературы немыслимо никакое общество»⁸⁶. Аксаков выступает за отмену цензуры, которая, ограничивая свободу слова, неизбежно препятствует свободному изъятию национального мнения, стесняет «деятельность общественного сознания, выражающуюся преимущественно в литературе»⁸⁷.

Этим признанием значения литературы в современности — как инстанции национального общественного мнения, духовной активности общества, И. С. Аксаков делает еще один шаг по направлению к почвенничеству. А ведь еще несколько месяцев назад Достоевский упрекал «День» именно в недооценке современной роли литературы и деятельности общественной⁸⁸ и вновь повторил упреки в февральской книжке «Времени» за 1862 г.: «Неужели все это порывистое стремление литературы последних годов к прогрессу, к цивилизации, страстное желание сколько возможно улучшить русскую жизнь, это внимание к общественным вопросам в той мере, в какой позволяют внешние обстоятельства, неужели самое это глубокое недовольство современной жизнью — все это нуль, ложь, фальшь?» (20; 10). Невольно напрашивается мысль, что статьи И. С. Аксакова по «теории общества», печатавшиеся с марта 1862 г., явились в некотором роде ответом на эти упреки (как, впрочем, и на другие, высказанные Дос-

⁸⁴ В программном «Введении» к «Ряду статей о русской литературе» Достоевский прямо пишет о том, что необходимость расширяться за собственные пределы, воспринять достижения европейской цивилизации и культуры явилась в России требованием самой почвы, что духовная и культурная встреча с Европой расширила кругозор русской нации, дала ей толчок к самосознанию, к уяснению собственных целей, вложила в руки «новое оружие для будущих подвигов» (18; 49).

⁸⁵ «...деятельность народного самосознания выражает себя в слове, которое есть плоть сознания, плоть человеческой мысли; стало быть, выражение общественного сознания есть общественное слово, — только там, где есть общественное слово, есть и общество, нет и общества там, где нет общественного слова. Постоянная деятельность общественного слова есть то, что называется словесностью и литературой» (День. 1862. 17 марта. № 23 (передовая статья)).

⁸⁶ Там же. Отметим, что понятие «литература» трактовалось И. Аксаковым в самом широком смысле, вбирая в себя помимо художественного словесного творчества и публицистику, и журналистику, и сочинения исторические, экономические, религиозно-философские...

⁸⁷ День. 1862. 12 марта. № 31 (передовая статья).

⁸⁸ См. разбор статьи К. С. Аксакова «Наша литература» в статье «Последние литературные явления. Газета „День“»: «Он отрицает всякое проявление сознания общественного в нашей литературе» (19; 62).

тоевским тогда же: в отрицании послепетровского периода русской истории, стремлении «перестроить Русь» по «московскому идеалу» (20; 12), вражде к общественному движению пореформенной эпохи). В представленной в них концепции национального развития «золотой век» русской истории не позади, в белокаменных стенах Московской Руси, а впереди и события последних двух столетий — веки на пути к нему. Более того, «теория общества», выраженная с глубиной и цельностью мысли, со всем блеском аксаковского слога, не могла не послужить плодотворным источником, питавшим, в свою очередь, взгляды почвенников и прежде всего самого Достоевского⁸⁹. Не случайно с момента появления в «Дне» первых статей на эту тему, полемика Достоевского с газетой Аксакова заметно меняет русло. В статье «Славянофилы, черногорцы и западники» («Время». 1862. № 9) спор ведется уже не из-за разности воззрений на внутреннее развитие России, а по поводу помощи черногорцам и «маленькой ревности» «Дня» к «Современному слову»: «Зачем, дескать, ты начал первый подписку, а не мы, славянофилы, настоящие друзья славян?» (20; 24). В «Журнальной заметке о новых литературных органах и новых теориях» («Время». 1863. № 1) чувствуется уже явная приязнь к «Дню» и уважение к его позиции: «День» если и обвинял общество «в несостоятельности», то делал это «на серьезном основании», чтоб доказать, «что все это от разрозненности с почвой» (20; 61–62). Конечно, и здесь не обходится без некоторых прежних упреков: «Мы с ним совершенно согласны, что общество наше разрознено с почвой и рано или поздно заметило бы само свою несостоятельность. Но покамест бы оно заметило — оно заявляло себя. <...> Отрицать это значит преднамеренно исказить или с намерением не видеть фактов. Так и делает „День“, и нам очень жаль, что он сходится в этом случае с всеобщим кудактанием» (20; 62). Но упреки эти, скорее, тактического характера⁹⁰.

Характерно и то, что в редакционном объявлении об издании «Времени» на 1863 г. перед нами уже не «два лагеря теоретиков», как в одной из статей прошлого года, а только один — публицисты «Современника» и «Русского слова». На них, вкупе с «доктринером» Катковым, и ведется атака. О славянофилах же ни слова, кроме маленькой фразы: «Мы не ходили в древнюю Москву за идеалами» (20; 210), да и поставлена она в тексте вовсе не в прямой связи с газетой Аксакова. А уж в объявлениях об издании «Эпохи» нападок на «День» нет и в помине. Более того, как установила В. С. Нечаева, раздел «Наши домашние дела» в этом журнале составлялся с явной ориентацией на «День», с использованием его материалов,

⁸⁹ Ср. у Н. И. Цимбаева: «Предметом особого изучения может стать воздействие теории „общества“ на П. Л. Лаврова, Д. И. Писарева, на почвенников» (Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. С. 186).

⁹⁰ Мнение о том, что «несогласия „Времени“ и „Эпохи“ со славянофилами носили характер преимущественно тактический», предполагая и возможность союза, высказывает У. Гуральник в статье «Достоевский, славянофилы и почвенничество» (Достоевский — художник и мыслитель. С. 447). См. также: Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. С. 316.

и зачастую повторял даваемые «Днем» оценки внутренней жизни России⁹¹ — и это притом, что по внутренним вопросам «Время» начинало с яростной полемики с газетой Аксакова.

Подобное изменение позиции Достоевского в отношении «Дня» вполне понятно: ведь главные претензии писателя к Аксакову, возникшие при чтении двух первых передовиц газеты, в сущности, оказались сняты последующей его публицистикой. А в конце концов исчез и главный пункт несогласия: обвинение общества в несостоятельности перед событиями, бездействию и бесполезности — со стороны Аксакова, и отрицание этого обвинения — со стороны Достоевского. Устранен он был и «теорией общества», и, в особенности, передовицами лета 1863 г., напряженного лета «дипломатического похода». В них Аксаков не раз горячо отзывался о роли общественного, народного мнения, о его решающем воздействии на ход современных событий, о согласном действии общества и народа в отстаивании интересов России. В этот период он с оптимизмом смотрит в будущее, надеясь, что теперь откроется «поле для деятельности общественной, преимущественно пред деятельностью правительственной»⁹². А в письме А. И. Кошелеву от 23 мая 1863 г. убежденно восклицает: «Вы себе представить не можете, как сильно здесь кругом волнуется общество, как *растет* оно...»⁹³. Своеобразным откликом Достоевского на этот оптимизм Аксакова звучат такие строки из редакционного объявления об издании «Эпохи» на 1864 г.⁹⁴: «Великие события последнего времени, заявившие собой первые признаки (после эпохи двенадцатого года) соединения общества с земством, так что та и другая сторона начали почти понимать друг друга — составляют наглядный пример того, чего мы всегда желали и к чему стремилось наше направление» (20; 214).

Все вышеизложенное позволяет глубже понять причины сближения Достоевского по вопросам внутреннего развития России с позицией славянофильского «Дня» и увидеть в этом сближении не только следствие перемены в воззрениях писателя, но, в не меньшей степени, и результат расширения позиции самого Аксакова. «Теория общества» и концепция почвенничества сходятся гораздо теснее, чем то кажется на первый взгляд, и вероятность воздействия разработанного Аксаковым учения на воззрения Достоевского первой половины 1860-х гг. отнюдь не исключена.

Но здесь возникает вопрос об источниках самой «теории общества». В свое время Н. И. Цимбаев в своей книге об И. С. Аксакове выдвинул гипотезу о возможном воздействии на серию его статей по этому вопросу идей В. А. Елагина и В. Н. Лешкова, который с середины февраля 1862 г. начал в «Дне» печатание большой работы «Что такое общество и что значит земство?» («День». 1862. №№ 19, 21, 22). Ни в коей мере не оспаривая этой гипотезы, добавим, что целый ряд положений «теории общества»

⁹¹ См. там же.

⁹² День. 1863. 27 июля. № 30.

⁹³ И. С. Аксаков — А. И. Кошелеву, 23 мая 1863 г. // ИРЛИ, ф. 3, оп. 2, ед. хр. 20, л. 59.

⁹⁴ Кстати, это первое объявление о подписке, которое братья Достоевские поместили в «Дне», — объявления об издании «Времени» в газете Аксакова не появлялись.

генетически восходит к идеям Ф. И. Тютчева, высказанным еще в 1857 г. в записке «О цензуре в России», а затем неоднократно развиваемым в переписке и устных беседах.

Центральная тема записки, относящейся к первым годам царствования Александра II, времени поворота к внутренним реформам в стране, — роль литературы в духовной и общественной жизни нации, вопрос о свободе печати. Исходная точка рассуждений поэта, как впоследствии и И. С. Аксакова, славянофильский тезис об оторванности государственной власти от коренных сил страны. Вокруг такой власти, считает Тютчев, «образуется пустыня и громадная умственная пустота, и правительственная мысль, не встречая извне ни контроля, ни указания, ни малейшей точки опоры, кончает тем, что приходит в смущение и изнемогает под собственным бременем еще прежде, чем бы ей суждено пасть под ударами злополучных событий»⁹⁵. Между тем, единственно возможный выход для правительства, желающего тем не менее проводить истинно-национальную политику, — найти для себя эту точку опоры, и притом в той сфере, где государственные умы зачастую склонны были видеть лишь вольнодумство и угрозу порядку. Эта сфера есть сфера общественного мнения, в той его части, в которой оно является проводником народных идеалов. Власть в России не доверяет ни народу, ни обществу, а между тем «без этой искренней связи с действительною душою страны, без полного и совершенного пробуждения всех ее нравственных и умственных сил, без их добровольного и единогодушного содействия при разрешении общей задачи, — правительство, предоставленное собственным своим силам, не может совершить ничего, столько же извне, как и внутри, столько же для своего блага, как и для нашего»⁹⁶.

«Просвещенное национальное мнение» находит себе трибуну в литературе, в слове «свободной и честной печати», и Тютчев высоко оценивает роль литературы в годы, ставшие преддверием эпохи реформ: «с той минуты, когда ей была дарована некоторая свобода слова, она постоянно стремилась сколь возможно лучше и вернее выразить мнение страны. К живому сознанию современной действительности и часто к весьма замечательному таланту в ее изображении она присоединяла не менее искреннюю заботливость о всех положительных нуждах, о всех интересах, о всех язвах русского общества»⁹⁷.

Но чтобы этот сознательный голос нации беспрепятственно доходил до правительства, чтобы становился он поверкою всех решений и действий власти, необходимо, считает Тютчев, предоставить ему свободу и независимость обнаружения. Поэт горячо и убежденно доказывает, «что нельзя налагать на умы безусловное и слишком продолжительное стеснение и гнет, без существенного вреда для всего общественного организма»⁹⁸. Это неизбежно

⁹⁵ Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. СПб., 1913. С. 325.

⁹⁶ Там же. С. 329.

⁹⁷ Там же. С. 325.

⁹⁸ Там же.

ведет к ослаблению духовной и «умственной жизни в обществе», становится источником сомнения, тупикового скепсиса, рождает безверие.

О том же, спустя несколько лет, заявит и Аксаков в статьях по «теории общества»: «Условие жизни государства — есть жизнь общества; условие жизни общества — есть свобода слова, как орудия общественного сознания. Поэтому цензура, как орудие стеснения слова, есть *опасное* для государства учреждение, ибо, не будучи в силах остановить деятельность мысли, сообщает ее развитию характер противодействия и вносит в область печатного слова начало лжи и лицемерия»⁹⁹. И это не случайное лишь совпадение с запиской «О цензуре в России». Напротив, сама логика мысли Аксакова: от констатации пропасти между народом и правительством к признанию общества как третьей силы, связующей землю и власть, и, наконец, к требованию отмены цензуры, чтобы дать возможность общественному мнению высказываться прямо и свободно, — всецело «тютчевская».

Записка «О цензуре в России» была подана Тютчевым кн. А. Д. Горчакову в ноябре 1857 г. и мгновенно разошлась в списках по Петербургу и Москве. О том, что она была известна И. С. Аксакову, мы имеем его прямое свидетельство. В письме от 16 декабря 1872 г. Аксаков, занимавшийся тогда подготовкой статей поэта к публикации в «Русском архиве», писал Тютчеву: «Бартенев на днях привез мне три французские ваши рукописи, вами ему переданные. <...> Но я помню, что читал еще вашу статью когда-то о цензуре. Где она, и этим ли ограничивается собрание ваших рукописей?» (Лит. наследство. Т. 97. Кн. 2. С. 497). Упоминание это кратко и никак не оценивает статью Тютчева — да и сделано оно пятнадцать лет спустя. Гораздо интереснее другое письмо Аксакова, посланное им А. Д. Блудовой 20 декабря 1857 г., в котором, сообщая графине о своем решении принять на себя редакторство газеты «Молва», «хотя и не под своим именем», он повторяет многие положения тютчевской записки о цензуре. «Я желаю сделать ее («Молву». — А. Г.) газетою современною, преимущественно гражданского содержания»¹⁰⁰ — так в сжатой форме определяет он главную свою задачу как редактора, вновь утверждая то, о чем несколькими днями раньше писал и Е. И. Елагиной: «Мне хочется низвести наше направление из заоблачной сферы в жизнь, из отвлеченной среды в действительность, из области исторической в современность; провести его во всех вопросах администрации и быта, проявить *общее* в частных явлениях»¹⁰¹. Главный вопрос, который в то время волнует его — вопрос крестьянский. По этому поводу, сообщает Аксаков гр. Блудовой, он написал отдельную статью, изложив в ней свои взгляды и на реформу, и — что особенно важно — на значение печати и литературы в решении современных проблем, но цензура остановила статью. «Между тем *она нужна*. Вы знаете, что нас, пишущей братии, вообще немного, что все пишущие более или менее сочувствуют Государю в настоящем деле. Ему необходима разумная опора

⁹⁹ День. 1862. 12 мая. № 31 (передовая статья).

¹⁰⁰ РГАЛИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 153, л. 3.

¹⁰¹ И. С. Аксаков — Е. И. Елагиной, 9 декабря 1857 г. // ИРЛИ, ф. 3, оп. 2, ед. хр. 18, л. 19 об.

для совершения его намерений. Эту опору может он найти только в литературе. Великою ошибкою правительства было то, что прежде не позволяли рассуждать об этом деле (сколько бы вопросов уяснилось, как бы облегчился правительственный труд!). Излишними осторожностями сделали то, что теперь ни дворяне, ни народ не довольны»¹⁰². Положение в крестьянском деле может быть исправлено, — пишет Аксаков далее, — только независимым и серьезным обсуждением принимаемых мер. «А эта цель, равно как и опровержение неправильных толков, может быть достигнута только свободою печатного слова, посредством литературы. <...> Если меньшинство благородных людей, сочувствующих Государю и способных разъяснить истину, будет принуждено молчать, а недовольное большинство будет громко выражать, под знаменем консерваторства, свое неудовольствие, что же из этого выйдет?»¹⁰³. Свою тираду против цензуры в защиту свободы печати публицист завершает следующим образом: «Всю эту речь, графиня, веду я к тому, чтобы Вы, по получении моего письма и приложения, немедленно тем или другим способом довели до сведения императрицы или самого Государя мою статейку, обратив особенное внимание на строки о современном призвании литературы»¹⁰⁴.

Цитируемое письмо — от первой до последней строки — разительно перекликается с запиской Тютчева «О цензуре в России»: от утверждения, что правительство нуждается в «разумной опоре для совершения его намерений» до характеристики роли литературы в современную эпоху и требования свободы слова. Быть может, и само намерение И. С. Аксакова «издать газету самую серьезную и дельную», которая широко откликалась бы на движение реформ, было отчасти подкреплено тютчевскими раздумьями о необходимости для современной России печатного органа с направлением «мощным, разумным, в себе уверенным», который сплотил бы вокруг себя «все честные и просвещенные убеждения»¹⁰⁵, стал бы органом мнения истинно народного.

Тезис о том, что «свободное мнение в России есть надежнейшая опора свободной власти»¹⁰⁶, И. С. Аксаков не устал неуклонно проводить и в газетах «День» и «Москва», несмотря на то, что его статьи по вопросам цензуры наталкивались на неизменное противодействие правительственной администрации¹⁰⁷. И здесь Тютчев был его идейным и духовным союзником.

¹⁰² ЦГАЛИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 153, л. 3 об.

¹⁰³ Там же, л. 4.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Тютчев Ф. И. О цензуре в России // Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. С. 523, 532.

¹⁰⁶ Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 578 (передовая статья для № 4 «Дня» за 1863 г., 26 января; снята цензурой).

¹⁰⁷ Многие из них были запрещены цензурой и появились лишь после смерти Аксакова в собрании его сочинений: Аксаков И. С. Полн. собр. соч. в 7-ми тт. М.; СПб., 1886–1887 (часть из них републикована в современном издании сочинений Аксакова: Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? С. 566–579). Неодобрение Министерства внутренних дел вызвал и выдвинутый Аксаковым проект цензурной реформы, который был опубликован в газете «День» 19 апреля 1862 г. (см.: Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. С. 113–120; Герасимова Ю. И. Из истории

Тема «просвещенного национального мнения»¹⁰⁸, «разумной и честной печати»¹⁰⁹ становится одной из центральных в их переписке 1865–1872 гг., особенно в период издания газеты «Москва» (1867–1868), на которую Тютчев стремился оказывать постоянное и деятельное влияние. Весьма характерно, что Аксаков уже в первой, программной передовице газеты, говоря о том, что верховная власть должна оказать всецелую поддержку «голосу русской печати», окрепшему и возмужавшему, исполненному сознательной силы, — недаром к нему «внимательно прислушивается» уже не только русский, но и «западный мир», — вновь касается основных положений «теории общества», что в очередной раз свидетельствует, насколько связаны были для него, как и для Тютчева, вопросы о воспитании духовно самостоятельного, национально ориентированного общества и вопросы свободы печати. «Пора наконец понять, — заявляет он, — что во многих отношениях сила не в правительстве, а в нас <...>, в успехах общественной самодеятельности, в правильном развитии тех земских начал, которыми зиждется само государство»; «важно, чтоб правильно судило само общество; чтобы в нем-то самом выработалось верное понятие об истинных интересах народности»¹¹⁰. И Тютчев в письме от 5 января 1867 г., поздравляя Аксакова с выходом «Москвы», горячо откликается на передовую статью, главные идеи которой были столь близки ему самому, в некоторой степени росли из его собственного идейного корня: «Нельзя довольно сочувствовать высказанной вами истине, что в наше время главная ответственность лежит на обществе, а не на правительстве, — в этом заключается целое направление, и очень желательно, чтобы „Москва“ проводила его как можно более последовательно»¹¹¹. Нетрудно догадаться, что Аксаков внял совету поэта, который к тому же звучал в унисон с велениями его собственной мысли и совести. В своих статьях 1867–1868 гг. он не раз будет говорить о роли зрелых, сознательных общественных сил в деле строительства пореформенной России, последовательно и страстно защищая свободу слова, роль независимой от правительства, но прочно стоящей на «русской точке зрения» печати. И Тютчев со своей стороны не раз его в этом поддержит¹¹².

Идеи об обществе и литературе, об их месте в процессе национального самосознания, развиваемые И. С. Аксаковым на страницах «Дня» и «Москвы» и не в последнюю очередь вдохновлявшиеся взглядами Тютчева, не могли не быть, повторим, глубоко родственны и близки Достоевскому.

русской печати в период революционной ситуации конца 1850 — начала 1860-х годов. М., 1974. С. 162–166).

¹⁰⁸ Ф. И. Тютчев — А. Д. Горчакову, 21 апреля 1859 г. // *Тютчев Ф. И.* Соч. М., 1980. Т. 2. С. 189.

¹⁰⁹ Ф. И. Тютчев — И. С. Аксакову, 2 октября 1867 г. // *Лит. наследство.* Т. 97. Кн. 1. С. 309.

¹¹⁰ Москва. 1867. 1 января. № 1 (передовая статья).

¹¹¹ *Лит. наследство.* Т. 97. Кн. 1. С. 281.

¹¹² См.: Чулков Г. И. Тютчев и Аксаков в борьбе с цензурой. С. 10–29; Твардовская В. А. Тютчев в общественной борьбе пореформенной России. С. 156–157, 159–160, а также письма Ф. И. Тютчева И. С. и А. Ф. Аксаковым // *Лит. наследство.* Т. 97. Кн. 1. С. 281–349.

О деятельности общественной, об активности литературы, составляющей «самостоятельную и необходимую силу» нации (20; 212), писатель размышлял и в объявлениях об издании «Времени» и «Эпохи», и в «Ряде статей о русской литературе», и в статьях «Два лагеря теоретиков», «О новых литературных органах и новых теориях» и т. п. Так же как Аксаков и Тютчев, выдвигавшие перед журналистикой задачу формирования «просвещенного национального мнения», он отводил печатному слову роль проводника национальной идеи в общественную среду. В пределе именно на исполнение этой задачи была направлена деятельность журнала «Время», и последовавшей за ним «Эпохи». Совсем не случайно в середине 1860-х гг. возникает у Достоевского и замысел «Записной книги» или «газеты в 1½ листа в неделю» (20; 181), первый зародыш будущего «Дневника писателя», в котором, уже в 1870-е гг., помимо отклика на текущие события, Достоевский возложит на себя долг уяснения национального идеала и русского назначения в мировой истории, — тот самый долг, который, по глубокому убеждению Тютчева и Аксакова, и стоит перед литературой.

Близок был Достоевскому и неумолкавший протест Аксакова против цензурного гнета, который, увы, столь часто влек за собой санкции власть предержащих в виде официальных предупреждений, приостановки изданий, а в конце концов и закрытия их (как то случилось с «Москвой» и продолжившей ее газетой «Москвич»). Ведь еще в объяснении по делу петрашевцев, предваряя Аксакова на двенадцать–пятнадцать, а Тютчева — на восемь–девять лет, Достоевский говорил о ненормальности стеснения печатного слова, о недоразумениях, накопившихся «между литературой и цензурой», о том, наконец, что «литература есть одно из выражений жизни народа, есть зеркало общества» (18; 126). И хотя в статьях, предназначенных для журнала «Время», Достоевский напрямую не касается вопроса о свободе печати (будучи в этом смысле, после каторги и солдатчины, гораздо осторожней Аксакова, резавшего правду–матку, невзирая на последствия), в тех случаях, когда писатель не был скован внешней цензурой, из-под его пера выходят строки, не оставляющие никакого сомнения в его собственной позиции по этому, столь остро стоявшему в годы реформ, вопросу. Так, 25 апреля 1866 г. в связи с курсировавшими тогда в Петербурге слухами о возможных санкциях против печати, вызванных покушением Каракозова, он пишет Каткову: «Но знаете, что говорят некоторые? Они говорят, что 4-е апреля математически доказало могучее, чрезвычайное, святое единение царя с народом. А при таком единении могло бы быть гораздо более доверия к народу и к обществу в некоторых правительственных лицах. А между тем со страхом ожидают теперь стеснения слова, мысли. Ждут канцелярской опеки. А как бороться с нигилизмом без свободы слова? Если б дать даже им, нигилистам, свободу слова, то даже и тогда могло быть выгоднее: они бы насмешили тогда всю Россию *положительными* разъяснениями своего учения. А теперь придают им вид сфинксов, загадок, мудрости, таинственности, а это прельщает неопытных» (28₂; 155). Позднее вопрос о неразумности и нелепости цензурных стеснений для

национально ориентированной журналистики будет поднят — в связи с судьбой газеты «Москва» — в переписке Достоевского с А. Н. Майковым, о чем нам уже приходилось говорить в предыдущей статье. А в 1870-е гг. в подготовительных материалах к январскому выпуску «Дневника писателя» за 1876 г. Достоевский помечает: «Цензура — запрещение идеи» (22; 145) и прямо воспроизводит мысль, выраженную десятью годами ранее в письме М. Н. Каткову: «Цензура. Но, видно, нельзя. И благодаря тому долго, долго они будут слыть за гениев. Достигнутая цель. Помилуйте. Пока они гении, они навредят. А если б упали — кто бы за ними пошел» (22; 149).

Кстати, о письме Каткову 1866 г. Самый ход мысли Достоевского: от тезиса о необходимости цепочки доверия между правительством, обществом и народом до суждений о том, что действенная борьба с нигилизмом возможна только вне дамоклового меча всевластной цензуры, прямо приводит нас к Тютчеву и Аксакову. А финальный пассаж — о том, что надо дать нигилистам высказаться всецело и до конца, дабы скудость и тщета их воззрений стала всем очевидна и более не скрывалась под спасительной маской гонимого и угнетенного слова, — может в свою очередь быть возведен к одному эпизоду конца 1865 г., который, разумеется, не мог пройти мимо писателя. 4 декабря И. С. Аксаков в очередной передовице своей газеты выступил против статьи М. А. Антоновича «Суемудрие „Дня“» (Современник. 1865. № 10), содержащей резкие и уничижительные нападки на славянофильство. При этом Аксаков не столько отвечал на статью, сколько поднимал в связи с ее выходом вопросы более общие и гораздо более его волновавшие. И прежде всего вопрос о новом цензурном законодательстве, отменявшем предварительную цензуру и вводившем взамен систему предостережений. «Слава Богу, подумали мы, прочитав трактат г. Антоновича, наконец-то настало у нас в России время, когда можно безбоязненно быть искренним в выражении своего мнения, можно не лгать и не лицемерить; наконец-то выползет ложь из темных нор своих на свет Божий и объявится людям во всей правде своего безобразия. <...> Мы тому-то и радуемся, что наступает наконец пора, когда можно будет нам бороться с нашими противниками открыто, ясно, без намеков, двусмыслий, иносказаний, одинаковым, равным оружием мысли и слова, не опасаясь вмешательства полиции, называя вещи прямо по имени»¹¹³. Далее речь снова шла о недопустимости вмешательства власти «в область мысли и слова», «полицейского досмотра совести общественной и частной»¹¹⁴ и выражалась надежда на то, что и в случае со статьей М. А. Антоновича правительство проявит мудрость и такт и не применит против «Современника» карающих санкций, лишая тем самым и газету «День» возможности «без обиняков и иносказаний», прямо и честно, так сказать, на равных, полемизировать со своими антагонистами в защиту твердых национальных, нравственных и духовных, начал.

¹¹³ День. 1865. 4 декабря. № 49.

¹¹⁴ Там же.

Такой идейный акцент был сделан Аксаковым с непосредственной подачи Тютчева: узнав о грозящем «Современнику» предостережении, поэт через посредство Ю. Ф. Самарина немедленно сообщил об этом редактору «Дня»¹¹⁵, прося его печатно высказаться о благодетельности свободы слова и мнения для борьбы с отрицательным направлением умов и тем самым попытаться предотвратить очередную медвежью услугу властей. Аксаков исполняет просьбу с тщанием. Изымает уже готовую статью 49-го номера и спешно пишет для него новую — по канве, обрисованной Тютчевым. «Написал, — читаем в его письме А. Ф. Тютчевой, — тотчас статью и довольно большую <...> о „Современнике“, которую ночью набрали, и № выйдет в свое время. Думаю, что отец твой останется ею доволен»¹¹⁶. Тютчев, действительно, остался доволен. В ответном письме от 8 октября 1865 г., похвалив статью публициста, он еще раз высказался по главному затронутому им вопросу, прямо подчеркивая, что «всякое вмешательство Власти в дело мысли не разрешает, а затягивает узел» и «будто бы пораженное ею ложное учение — тотчас же, под ее ударами изменяет, т<ак> ск<азать>, свою сущность и вместо своего *специфического* содержания приобретает вес, силу и достоинство угнетенной мысли» (Лит. наследство. Т. 97. Кн. 1. С. 264–265). Однако ни посредничество Тютчева, ни публицистика Ивана Аксакова не смогли предотвратить предостережения: оно было вынесено «Современнику», и Аксаков, опять-таки по прямому совету Тютчева¹¹⁷, вынужден был публично отказаться от полемики с ним¹¹⁸.

Статья Аксакова, разумеется, была известна Достоевскому. В 1865 г., как, впрочем, и ранее, он регулярно читает «День» (следы этого активного, заинтересованного чтения находим в «Записных книжках 1864–1865 гг.»), солидаризируясь с ним по целому ряду вопросов. В полемике «Дня» и «Современника» он всецело на стороне газеты Аксакова, даже собирается выступить «в ответ „Современнику“ на его майскую выходку против „Дня“» (20; 202) и набрасывает в записной книжке план такого ответа. Так что выраженная в письме Каткову мысль о невозможности бороться с нигилизмом без свободы слова, о необходимости устранить при помощи этой свободы тот ореол мученичества, который столь выгоден его идеологам, прикрывая очевидное убожество мысли, скорее всего, действительно восходит к Аксакову, а через него и к Тютчеву.

Цитируемое письмо Достоевского Каткову интересно и еще в одном отношении. Зададимся вопросом: кто эти упоминаемые писателем петербургские «некоторые», которые якобы говорят о необходимости гораздо большего «доверия к народу и к обществу в некоторых правительственных лицах»? Из окружения Достоевского в их числе может быть назван Майков, взгляды которого на задачи печатного слова сформировались во многом

¹¹⁵ См.: Чулков Г. И. Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. С. 174.

¹¹⁶ И. С. Аксаков — А. Ф. Тютчевой. 3 декабря 1865 г. // РГАЛИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 236, л. 274–275.

¹¹⁷ См. в том же письме Ф. И. Тютчева от 8 декабря 1865 г. (Лит. наследство. Т. 97. Кн. 1. С. 264).

¹¹⁸ См.: День. 1865. 11 декабря. № 50–51.

под влиянием Тютчева¹¹⁹, и, разумеется... сам Тютчев. Даже формулировка указанной мысли в письме Достоевского — слишком узнаваемая, слишком *тютчевская* и может быть проиллюстрирована множеством параллельных мест из писем поэта Аксакову. Отметим, что именно 1866 годом датируется по крайней мере одна из встреч и бесед Достоевского с Тютчевым¹²⁰. Так что писатель вполне мог услышать суждение поэта о необходимости доверия власти к народу и обществу из его же собственных уст. Мог, впрочем, познакомиться с точкой зрения Тютчева и в переложении Майкова. Здесь приходится, увы, пока только гадать. Но важен сам по себе этот *тютчевский след*, важно, что Достоевский всецело солидарен с излагаемым им мнением о вреде «канцелярской опеки» — излагаемым явно с намерением поколебать позицию адресата письма, требовавшего самых решительных мер против «нигилистской заразы».

Эта попытка Достоевского воздействовать на Каткова—публициста также наводит на ряд размышлений, которые в свою очередь опять увлекают нас к Тютчеву. В 1866 г., после прекращения издания «Дня» Тютчев, не переставая сетовать на то, что Аксаков временно замолчал¹²¹, направил всю свою энергию на упрочение контакта с «Московскими ведомостями», ибо газета Каткова осталась, по сути, единственным органом, на который он мог опереться хотя бы отчасти в стремлении провести в общественное сознание свое понимание текущих событий. Он и ранее в письмах А. И. Георгиевскому, одному из своих ближайших друзей, ведущему сотруднику редакции «Московских ведомостей», делился своими соображениями по современным вопросам (прежде всего по проблемам внешней политики), обозначал те позиции, отстаивать которые, по его мнению, должна была бы газета, претендующая на то, чтобы выражать истинно национальную точку зрения на события международные, и многие из его идей, действительно, находили свое место в передовицах катковского органа¹²². Весной же 1866 г., испытывая законные опасения по поводу действий правительства, намеревавшегося противодействовать революционным умонастроениям силой и только силой, и более чем кто бы то ни было понимая тупиковость такого пути, поэт искал способы предостеречь власть имеющих, стремясь к тому, чтобы это предостережение прозвучало из авторитетных уст и публично. Единственная надежда здесь была на «Московские ведомости». 16 апреля 1866 г. Тютчев пишет Георгиевскому: «Положение страшно трудное. Главная трудность в том, как и где провести черту между словом и делом — между стихийною силою мысли и мнения и уже зародившимся положительным политическим фактом, — и в особенности

¹¹⁹ См. об этом в моей статье: Гачева А. Г. Ф. М. Достоевский, Ф. И. Тютчев, А. Н. Майков (Идейный диалог) // Достоевский и мировая культура. № 16. СПб., 2001. С. 43–45.

¹²⁰ О ней дважды упоминает сам Достоевский — в письмах Х. Д. Алчевской от 9 апреля 1876 г. и С. Е. Лурье от 17 апреля 1877 г.; см.: 29₂; 78, 151).

¹²¹ См. его письма А. Ф. Аксаковой от 9 апреля 1866, И. С. Аксакову от 19 апреля 1866 г. (Лит. наследство. Т. 97. Кн. 1. С. 270, 272).

¹²² См. публикацию писем Ф. И. Тютчева А. И. Георгиевскому и комментарии к ней (Лит. наследство. Т. 97. Кн. 1. С. 380–412).

избегнуть поползновений, за неимением факта, — обратить полицейские репрессивные меры против неуловимой стихии мысли. Вот где опасность — попасть опять нечаянно в колею николаевских реакций. Насильственным подавлением мысли — даже и в области нигилистических учений — мы только раздражим и усилим зло — пошлая, избитая истина и, однако, вечно устранимая в применении. Если чье влияние может предупредить эту беду, так это, конечно, „Московские ведомости“» (Лит. наследство. Т. 97. Кн. 1. С. 403.).

Тютчев явно надеялся, что Георгиевский доведет его мысль до Каткова (в их переписке так всегда и бывало) и что «Московские ведомости» огласят эту мысль уже от себя, придавая ей тем самым необходимый общественный вес. Однако случилось иначе. Катков не только не внял точке зрения Тютчева, но и со всей необузданностью обрушился на «политических злоумышленников», возбуждающих «в обществе толки о том, что слишком сильные действия против нигилизма угрожают нашему прогрессу и просвещению», и открыто выступил за самые сильные и реакционные меры в отношении инакомыслящих¹²³. Подобная крайность позиции не могла не встревожить Тютчева, который слишком хорошо понимал, что Катков, поддерживая репрессивные методы власти, в сущности, роет яму и себе самому, и русской печати в целом. Спустя всего месяц «Московские ведомости» были приостановлены, закрыты «Современнику» и «Русское слово»¹²⁴. И не попытался ли он в ситуации явно критической воспользоваться посредничеством уже Достоевского, дабы вновь донести до Каткова свои опасения по поводу возможной реакции против печати?

(Продолжение следует)

¹²³ Московские ведомости. 1866. 21 апреля. № 84 (передовая статья).

¹²⁴ «Дело „Московских ведомостей“, — писал по этому поводу Тютчев Георгиевскому, — есть только элизод всего положения — они преследуются не как *направление* только, но как *печать* — и в данную минуту — вопреки всем вашим сомнениям, — сознательно или бессознательно — начинается решительная реакция против печати. Люди противоположных направлений пришли к одному и тому же убеждению, что все зло — от печати и что с нее — то и надобно начать, — словом сказать, повторение реакций прошлого времени, оказавшихся, как известно, столь благотворными для русского общества. <...> Положение, как видите, серьезное. При страшном финансовом расстройстве, накануне готовящегося в Европе светопреставления — вдруг, ни с того, ни с сего, такой взрыв самоубийственных инстинктов и направлений» (письмо от 8 мая 1866 г. // Лит. наследство. Т. 97. Кн. 1. С. 406).